

Жизнь графа Каспара Штернберга, описанная им самим (Продолжение)¹

К.М. фон Штернберг

1820

Начиная с января и пока не растаял снежный и ледяной наст, я жил в городе, где научная и общественная жизнь естественно перетекали друг в друга, в доме моего двоюродного брата графа Франца Штернберга.

Весной императорский двор приехал в Богемию, и Их Величества поехали в Пльзень, куда я поспешил, чтобы на короткое время отвезти в Бржезину моего собрата по ботанике лейб-медика Хоста. Здесь он осмотрел мои растения и местные луга, после чего я доставил его назад для дальнейшего сопровождения императорской поездки.

В июле вышла в свет первая тетрадь моей «Флоры Древнего мира» одновременно с первой проработкой того же предмета Адольфом Броньяром². Не зная ничего друг о друге при этом начинании, каждый из нас выступил с собственной системой. Возможно, я слишком поспешил, прежде всего для того чтобы обратить внимание на эту остававшуюся в течение столетия совершенно без внимания ветвь естествознания и организовать трудоемкий сбор материалов, без которого было бы совершенно напрасно рассчитывать когда-нибудь собрать воедино нечто достаточное. В этом отношении обе наши сами по себе еще весьма ограниченные работы все же не остались без последствий, ибо с того времени в Европе, как и в Северной Америке, люди обратили внимание на отпечатки растений, и у нас есть основательная надежда увидеть разъясненной

Каспар Мария фон Штернберг в 1824 году

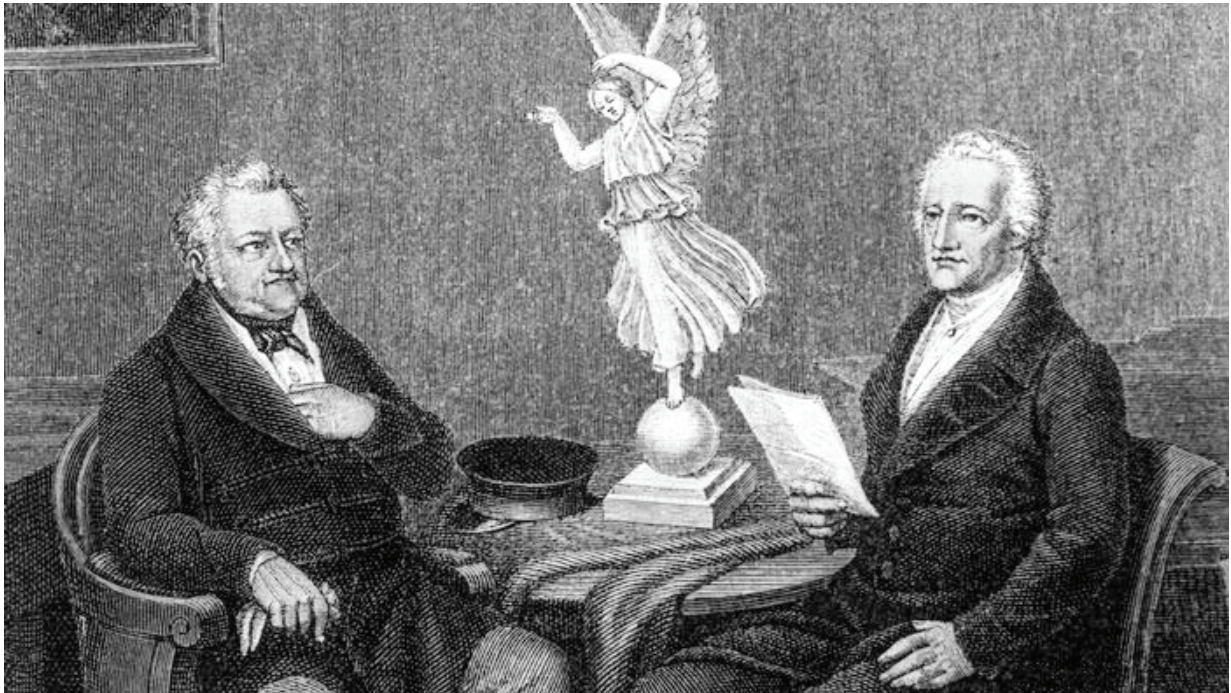
эту чрезвычайно сложную ветвь естествознания в геогностическом и ботаническом отношениях, насколько взгляд из мира нынешнего может проникнуть в мир Древний.

Непредвиденно мне пришлось провести этот год главным образом в сельской местности. Из-за падения с лошади я причинил себе очень болезненный перелом правой лодыжки, который приковал меня к постели. Я научился, и очень быстро, ходить на костылях, чтобы доставать себе необходимое без посторонней помощи; но потребовалось почти три месяца, пока я смог достаточно долго ходить без костылей, и у меня осталась опухоль³, на которую я не обращал особого внимания и которая, однако, сейчас, в пожилом возрасте, стала меня обременять.

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 7. – С. 59–63; Т. 8. – С. 53–61; Т. 9. – С. 68–78; Т. 10. – С. 74–84; Т. 12. – С. 113–125; Т. 13. – С. 104–111; Т. 14. – С. 140–151.

² Адольф Теодор Броньяр (1801–1876) – выдающийся французский палеоботаник и ботаник, сын знаменитого натуралиста Александра Броньяра, основатель и первый президент Французского ботанического общества. За вклад в развитие науки об ископаемых растениях его называют «отцом палеоботаники» (*Ред.*).

³ Вероятно, костная мозоль в месте срастания костей (*Ред.*).

Великий герцог Карл Август и Иоганн Вольфганг Гёте в доме последнего в Веймаре

1821

Чтобы еще больше восстановить подвижность, я поехал на Теплицкие воды, куда прибыл и разносторонне образованный старый великий герцог Веймарский⁴, который завладел мною и пригласил в Веймар, чтобы представить Гёте; подходящие случаи для этого, по стечению обстоятельств, были не раз упущены в Карлсбаде.

Вместе с д-ром Штольцем, который владел отборной минералогической коллекцией и точно знал местонахождение минералов в Лейтмерицком округе, были предприняты экскурсии в область развития пироповой формации и пр., к которым присоединился великий герцог. Курортное время протекало приятным образом; и поскольку ванны благотворно повлияли на подвижность ноги, я сразу же проделал опыт – поехал водным путем из Ауссига, где я собрал прекрасные образцы шабазитов, в Тетшен, а оттуда то водным путем, то пешком через известную так называемую «Швейцарию» в Дрезден.

Граф де Брэ жил тогда со своей семьей у своих свекра и свекрови в Лаубегасте, недалеко от Пильница. Мы запланировали ряд экскурсий по

живописным берегам Эльбы, но слишком негостеприимная погода не позволила их осуществить, и тогда я снова вернулся назад.

Не истребленный за пару лет, но сдерживаемый дух неудовлетворения народов получил теперь новый стимул, благодаря добровольно дарованным Доном Педру⁵ конституциям в Португалии и Бразилии, и благодаря начавшейся борьбе греков за свободу, в которой тогда, по общему признанию лишь на словах, европейские народы в той или иной мере приняли участие. Лишь немногие знали еще тогда, чего они собственно хо-

⁵ Педру I (1798–1834) – император Бразильской империи. В 1822 году провозгласил независимость Бразилии от Португальской короны и ввел для нее конституцию. Однако после признания независимости Бразилии королем Португалии в 1825 году стал вести себя как неограниченный монарх, за что и поплатился: в 1831 году бразильские повстанцы вынудили его отречься от престола.

Первая португальская конституция была принята в январе 1821 года кортесами, созданными в результате произошедшей в 1820 году буржуазной революции. Король Португалии Жуан VI присягнул конституции в июле 1821 года. После смерти Жуана VI в 1826 году его сын Педру I в борьбе за португальский престол со своим братом Мигелом I поддерживал сторонников конституционной монархии, тогда как Мигел I стоял за абсолютизм (Ред.).

⁴ Карл Август Саксен-Веймар-Эйзенахский (1757–1828) – великий герцог Веймара и Эйзенаха. Был покровителем наук и искусств. В 1776 году принял И.В. Гёте на государственную службу, где в 1815 году он получил чин министра (Ред.).

тели, но многие хотели не больше, чем имели. Я уже высказал свое мнение об этом в письме от 27 мая:

«Имелось средство сохранить мир от событий, которые станут его бичом и нашей гибелью. Пренебрегли радикальным лечением и занялись лечением паллиативами; гангрена охватила конечности, и в настоящее время творец озадачен. Если бы пятнадцатый год добавил к принципу законности весомые и единообразные основания для ограниченных монархий всех наций, оба мира были бы спокойны. Сейчас же именно революционеры-анархисты, которые взяли верх, и составляют конституции, которые заставят нас вновь пройти через все революционные ужасы, прежде чем будет достигнуто согласие путем взаимных уступок, которые только и могут привести к новой эпохе спокойствия»⁶.

Интересы нынешнего обычно поглощают интересы прошлого. Смерть Бонапарта на острове Св. Елены произвела в этот момент в Германии не большее впечатление, чем годами раньше смерть Екатерины Великой в России, чье имя в годы ее правления звучало по всей Европе.

Соборный совет Регенсбурга находился до тех пор также в забвении, пока благодаря королевскому баварскому конкордату с Римом на его место не был поставлен собственно баварский совет; роспуск старого совета был назначен на 3, введение нового – на 4 ноября.

Из-за старых связей с этой корпорацией я был приглашен присутствовать на этом последнем прощании. Теперь, хотя уже с 1810 года я больше не жил в Регенсбурге, я все же посчитал уместным, поскольку делил все невзгоды с моими коллегами, не избегать и этой последней.

3 ноября было с давних времен днем, когда обычно исполнялся реквием по всем умершим настоятелям собора; нельзя было выбрать более подходящего дня, чтобы и еще действующему настоятелю пропеть «Упокойся с миром!». После богослужения собрались в ризнице. Прочли соответствующие места из Папского конкордата и королевского рескрипта: вслед за тем 75-летний ректор собора граф Турн и 80-летний декан собора Вольф произнесли прощальные речи. Поскольку никто из присутствовавших не взял слово, я произнес несколько слов благодарности нашим бывшим руководителям; так не без эмоций прекратила свое существование корпорация,

которая при всевозможных событиях просуществовала девять столетий.

На следующий день я поехал с графом де Брэ в Ирльбах и возвратился через три дня вместе с ним назад в Регенсбург, чтобы присутствовать на ботаническом заседании. На него уже прибыли наш ботанический старейшина кавалер фон Шранк, кавалер фон Марциус, д-р Цуккарини⁷ из Мюнхена, д-р Шульте⁸ из Ландсхута, аптекарь Марциус-отец из Эрлангена и старший городской советник Фойт из Амберга. Кавалер фон Марциус показал при этой возможности свою великолепную работу о бразильских пальмах, д-р Хоппе – собранные им альпийские растения, д-р Шульте – свой доклад о поездке по Германии, я – иллюстрации для второй тетради «Флоры Древнего мира» и т.д. После заседания все члены собрались у Президента, графа де Брэ, на званый обед, где рекой текло шампанское и развлекались гости. Столь быстро меняются у человека поводы для траура и веселья!

1822

Уже давно я стремился к тому, чтобы лично познакомиться с *Гёте*, которого столь часто упускал в Карлсбаде, и разминулся с ним на несколько часов в Мариенбаде. Позднее с Парнаса, куда я, не произведший на свет ни одной вымученной рифмы, никогда не осмеливался заглядывать, он спустился до прозаической истории природы, которая не должна допускать никакого стихосложения, и тем приблизился ко мне. Мы отличались по возрасту лишь на 11 лет, пережили одни и те же важные мировые события и не остались незамеченными, были связаны со многими превосходными людьми нашего времени – все точки соприкосновения, которые быстрее сводят людей; и те, пусть даже незнакомые лично, становятся более не чуждыми друг другу.

Мариенбад, где мы, проживая под одной крышей, очень быстро сблизились, дал нам эту возможность. Окрестные камни, которыми была полна его комната, были первыми посредниками; но вскоре были обговорены более важные моменты нашего взаимного хода жизни, рассмотрено настоящее, и мы почувствовали, что сошлись ближе. Мы ели за одним столом днем и

⁷ *Йозеф Герхард Цуккарини* (1797–1848) – немецкий ботаник, наиболее известен своими трудами по флоре Японии (Ред.).

⁸ *Йозеф Август Шульте* (1773–1831) – австрийский ботаник и врач, автор монографий с описанием флор Австрии и Баварии (Ред.).

⁶ Оригинал фрагмента письма дан в тексте воспоминаний К.М. фон Штернберга на французском языке (Ред.).

Йёнс Якоб Берцелиус

Иоганн Баптист Эммануэль Поль

вечером, часто ездили вдвоем на прогулку и после ужина еще многие часы проводили у него в комнате. Когда г-жа фон Лёвцов спросила его об этом новом знакомстве, он отвечал: «Мы вместе поднялись на Доннерсберг (гору Милешовка у Теплица), каждый со своей стороны, разными путями, но оба успешно достигли вершины».

В последние дни к нам присоединились кавалер фон Берцелиус⁹ и д-р Поль¹⁰, который недавно вернулся из Бразилии. Гёте поехал вперед в Эгер, а я предпринял еще одну экскурсию с Берцелиусом и Полем в Кёнигсварт к тамошним источникам, но мы договорились встретиться на Каммербюле, где и свиделись на следующий день. Берцелиус, посетивший вулканические образования в Оверни, был поражен сходством Каммербюля с этими горами и объявил о его вулканическом происхождении. На другой день мы поели вместе с Гёте в гостинице в Эгере, где Берцелиус проделал многочисленные химические исследования с вызывающей удивление сноровкой. Союз взаимной преданности был заключен.

Когда пришел час расставания, я поехал с д-ром Полем через Регенсбург, где к нам присоединился друг Феликс, в Мюнхен. Целью этой по-

ездки было добиться согласия между д-ром Полем, Марциусом и Спиксом¹¹, чтобы еще больше не усложнить науку появлением под разными именами дублетов бразильских природных редкостей. Совместная публикация была бы, по видимому, еще более желательной, но добиться этого не удалось. Тогда д-р Поль уехал назад в Вену, чтобы создать бразильский кабинет, а мы с Феликсом – на бурогольные разработки Херинга в Тироле, где встречаются замечательные отпечатки веерных пальм. Ужасная непогода, которая затопила дороги и снесла мосты, принудила меня повернуть и отправиться в мою спокойную Бржезину.

Вскоре после моего возвращения домой меня посетил мой двоюродный брат, граф Франц фон Штернберг на своем обратном пути из Айфеля¹², и привез мне окаменелости и лаву из Айфеля для моей коллекции. Один кусок лавы не желал подходить к нужному размеру, я попытался его уменьшить. Но лава, однако, обычно очень тверда. В нетерпении я приложил большую силу при малом спокойствии, промахнулся с ударом и разбил себе ногтевую фалангу большого пальца

⁹ Йёнс Якоб Берцелиус (1779–1848) – знаменитый шведский химик и минералог (Ред.).

¹⁰ Иоганн Баптист Эммануэль Поль (1782–1834) – австрийский минералог и ботаник (Ред.).

¹¹ Иоганн Баптист фон Спикс (1781–1826) – австрийский зоолог. Так же как К. Марциус и И. Поль, принимал участие в Бразильской экспедиции, организованной австрийским правительством (Ред.).

¹² Горный хребет на северо-западе Рейнских Сланцевых гор (Ред.).

Август Лонгин фон Лобковиц

на левой руке. Пусть другие минералоги возьмут это себе на заметку. Ибо тремя неделями позже меня посетил в Бржезине д-р Бёкланд¹³ из Оксфорда, который приехал на континент вместе с графом Бройнером, и здоровая рука очень бы мне пригодилась.

Мы предприняли множество мелких экскурсий на близлежащие угольные разработки. Бёкланд привез мне рисунки отпечатков растений и взял отсюда с собой саламандру, которую успешно доставил живой в Оксфорд.

Я уже занимался упаковкой моих библиотеки и коллекций, чтобы отослать их в Прагу, ибо статуты были подтверждены Его Величеством Императором. И поскольку собранных денег не хватало, чтобы купить для Музея отдельный дом, наше общество арендовало без права продажи нижний этаж бывшего дома графа Штернберга в Градчанах, который, собственно говоря, принадлежит Частному обществу патриотических друзей искусств, и распорядилось переделать его для своих целей.

Когда же шаг за шагом стала светлеть моя загроможденная шкафами комната и в лицо мне стали зевать опустевшие шкафы, настроение мое испортилось, как будто бы от меня живого получили наследство. Как бы неохотно ни расставался я с этими преданными спутниками жизни, которые служили мне утешением и развлечением в самые тяжелые моменты жизни, я все же не сожалел о своем хорошо обдуманном намерении, поскольку оно должно было принести пользу Отечеству, – и я последовал за ящиками в Прагу.

Здесь, на общем собрании всех членов Музея в правительственном здании (Gubernialgebäude) 23 декабря 1822 года сложил с себя полномочия Временный комитет, включая его Президента; и были избраны новый Президент в лице меня самого и восемь новых членов Комитета, которые затем среди себя избрали князя Августа Лонгина Лобковица¹⁴, сына скончавшегося тем временем князя Антона Исидора, управляющим делами, а графа Франца Штернберга – кассиром. На первом же заседании Комитета я сделал формаль-

Уильям Бёкланд

¹³ Уильям Бёкланд (1784–1956) – знаменитый английский геолог и палеонтолог. У себя дома содержал зверинец, в котором было много редких животных (Ред.).

¹⁴ Август Лонгин фон Лобковиц, князь (1797–1842) – австрийский государственный деятель и меценат, президент Императорской придворной палаты монетного и горного дела (Ред.).

ное *Donatio inter vivos*¹⁵ всех моих естественной-исторических коллекций и всего того из моей библиотеки, что касается так называемых точных наук (*sciences exactes*) и Богемии. Я льстил себя мыслью, что с помощью этих внешних вложений сослужил службу своему Отечеству, чьи успехи я не увижу при жизни. Ибо только с помощью подобного учреждения было возможно собрать вместе и сохранить осколки нашей истории и разбудить новую жизнь в естественных науках. Пусть полная сил молодежь, которая стремится ввысь, тоже усвоит мысль, что о достоинстве и счастье нации судят на основе ее интеллектуального развития и морали.

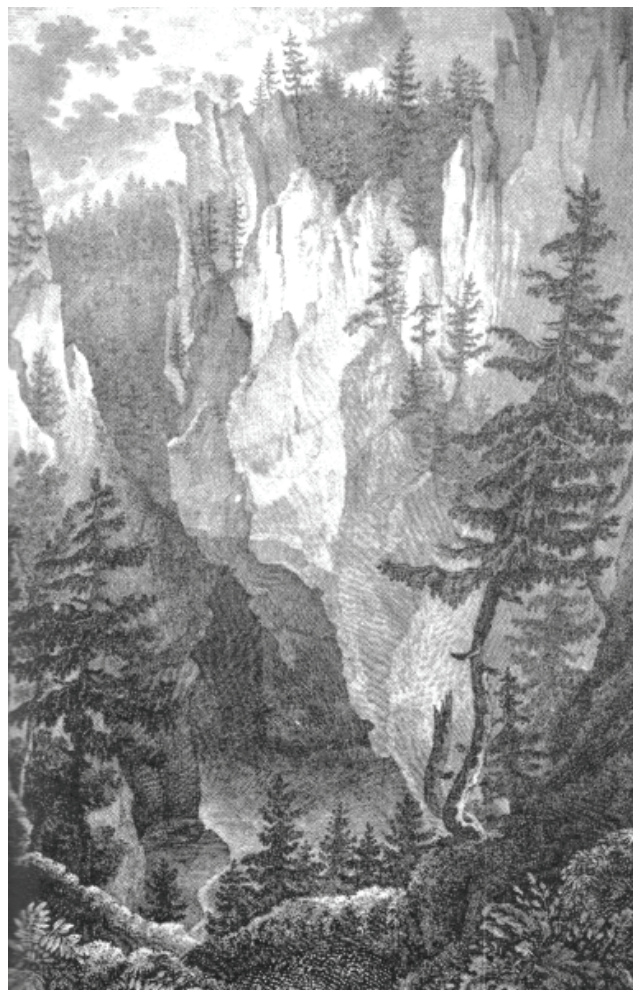
1823

Переезд моих книг и коллекций изменил мой образ жизни в том отношении, что теперь я дольше пребывал в Праге, чтобы наблюдать за формированием Музея и отвечать за его успехи перед ежегодным общим собранием.

Продолжение «Флоры Древнего мира» вынудило меня предпринять в течение нескольких лет одну за другой более длительные поездки, чтобы точнее познакомиться со взаимными отношениями формаций, в которых заключены флоры различных растительных периодов. Я начал в этом году с каменноугольных и соляных формаций, а именно с того, что имелось на этом пути, вроде отложений каменного угля близ Розика в Моравии, известняковой формации, которая славится пещерами Слаупер и Мацоха. Затем снова угли возле Польской Остравы, известная солевая формация Бохни и Велички, Карпатские песчаники с отпечатками фукоидов и различные выходы известняков в окрестностях Кракова, находящиеся в сложных взаимоотношениях, о которых геогносты тогда еще не высказались единым образом.

С вершины одной горы у Кракова, где многие тогда были заняты возведением памятника Костюшко, я сумел хорошо рассмотреть в окрестностях рвущиеся вверх вершины из юрских известняков и, поскольку многие каменоломни были открыты, также и пособирать окаменелости.

Оттуда я повернул через Джиковиц и Мысловице, где добывают прекрасные мраморные блоки, к цинковой и каменноугольной формациям Верхней Силезии, которые сопровождаются известняком и в этом отношении отличаются от таковой в Нижней Силезии. Я осмотрел шахты и мануфактуры близ Кёнигсхютте, Гляйвица, Цабрцега, Рыбника, свинцовые заводы у Тарно-

Карстовый провал Мацоха

вица и пр., которые обязаны своим усовершенствованием заботам министра барона фон Редерна.

В Бреслау я посетил профессора Роде¹⁶, который издал две тетради с рисунками ископаемых растений. Я нашел этого достойного человека прикованным подагрой к своему креслу, но при этом очень оживленным, и именно по этой причине в полном расстройстве от того, что он не мог ничего принести и показать; я должен был ему обещать прийти на следующий день. Я на-

¹⁶ *Иоганн Готтлиб Роде* (1762–1827) – немецкий издатель, драматург, преподаватель географии и немецкого языка в Военной академии Бреслау, получил степень доктора философии Йенского университета за работу о религиозных воззрениях бахтиаров (группы иранских племен). Среди его многообразных интересов было и коллекционирование окаменелостей. К. Пресл (соавтор 7 и 8 частей «Флоры Древнего мира» К.М. Штернберга) назвал в его честь один из родов каменноугольной папоротниковидной листвы – *Rhodea* (Ред.).

¹⁵ Пожертвование от частного лица (*лат.*).

Соляная шахта Велички

шел его тогда на том же месте, но немного подвижнее; на столах и стульях были разложены отпечатки, среди которых были прекрасные и редкие экземпляры. Живое воображение, однако, соблазнило его видеть и рисовать вещи, которых на самом деле не было. Особенно цветки на угле и в мертвом лежне, которые он напечатал во второй тетради, но которые сам же, когда захотел показать их мне, больше не смог найти; он забыл за этим занятием свои страдания. Я не осмелился похитить у него его утешение, но когда сам ехал из Вальденбурга в Нойроде, позволил сопровождать себя его брату, который был там сменным мастером, в те самые места, откуда Роде получил свои образцы с цветками. Но мы искали напрасно; не удалось найти ничего похожего и в мертвом красном лежне, а цветки на угле, которые мы нашли, были не чем иным, как формами, созданными пиритом и известняком, а вовсе не отпечатками.

Эта сцена у профессора Роде напоминает мне другую, пережитую мной в Карлсбаде. Там у Гёте был знакомый резчик по камню Миллер, тот самый, с которым я раньше предпринял многие экскурсии по окрестностям. Гёте составил каталог к его собранию камней из окрестностей Карлсбада, которыми приторговывал Миллер. Когда тот достиг почти 80-летнего возраста, его сразил апоплексический удар и он больше не мог вставать с постели. Я посетил его в этом состоянии: он сидел на своей кровати, две доски с камнями лежали на ней поперек, на стуле рядом с кроватью — напечатанный Гёте каталог, небольшие листочки с цифрами и ваза с картоном. Он держал молоток и с удовольствием и утешением обивал камни под размер коллекции и наклеивал на них листочки, больше не жалуясь на свое состояние, а лишь на то, что дочь его не смогла найти все камни, которые были ему нужны. Вскоре оба эти человека, поглощенные своим любимым занятием и преданные своему делу, скончались.

Я проследовал по намеченному мною пути вдоль силезской угольной формации, которая продолжается со своими порфирами и мертвым лежнем через Наход глубоко в Богемию. Но поскольку я еще ничего не узнал о публикации бразильских натуралий, то поехал через Хрудим в Вену, подождал возвращения Императора Франца и передал ему меморандум, чтобы обосновать важность

этого издания. Казалось, что Его Величество был полностью согласен с этим предложением, однако, поскольку не последовало никаких конкретных резолюций, я снова вернулся в Богемию.

Мой друг граф Франц Вальдштейн умер в этом году к моей большой печали: но в Музей, по его желанию, поступили *Plantae rariores Hungariae*¹⁷, которые он опубликовал и которые мы так часто просматривали вместе в качестве классического гербария Музея. — *Moriar, sed non omnis*¹⁸.

1824

В апреле месяце этого года Императорский двор прибыл в Прагу. Как обычно, высочайшие гости осмотрели все учреждения, а Ее Величест-

¹⁷ Редкие растения Венгрии (лат.).

¹⁸ Я умер, но не весь (лат.).

Императрица Каролина Шарлотта Августа Баварская

во Императрица¹⁹ – также Богемский музей. Особое внимание она уделила коллекции ископаемых растений, которые были тщательно сличены с иллюстрациями в моей «Флоре Древнего мира». Вскоре после праздника Св. Иоанна Императорский двор вновь покинул Богемию, и Его Величество Император присвоил мне звание тайного советника.

Знакомство с Гёте, сделанное им и Великим герцогом приглашение приехать в Веймар обязывали меня начать свою вторую естественнонаучную поездку с Веймара. Я выбрал путь через Йену, где был очень дружественно встречен профессорами университета. Великий герцог жил в Эйзенахе, Великая герцогиня²⁰ находилась на летнем отдыхе, поэтому я сразу же по приезде направился прямо к Гёте. Его жилище было обставлено внутри, как итальянская вилла, с нижней ступени парадной лестницы вверх предметами искусства, комнаты украшены рисунками и

¹⁹ Каролина Шарлотта Августа Баварская (1792–1873) – четвертая жена императора Франца I (Ред.).

²⁰ Луиза Августа Гессен-Дармштадтская (1757–1830) – жена великого герцога Карла Августа Саксен-Веймар-Эйзенахского, младшая сестра великой княгини Наталии Алексеевны – первой жены Павла I, теть императрицы Елизаветы Алексеевны – супруги Александра I (Ред.).

Луиза Августа Гессен-Дармштадтская, великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская

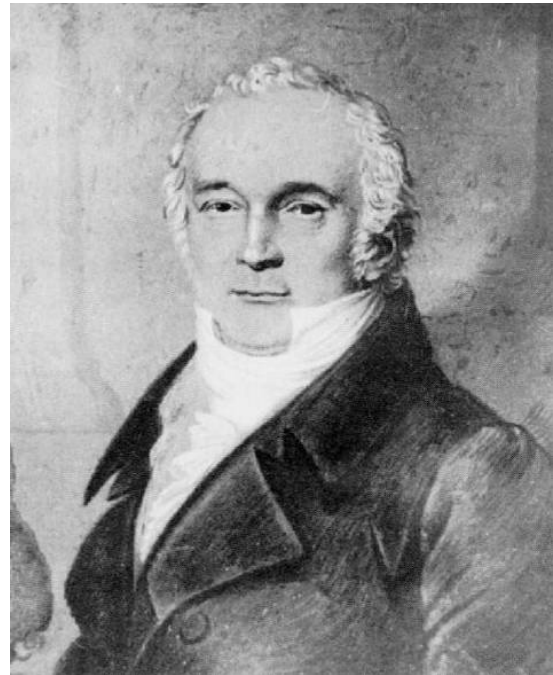
Великая княжна Мария Павловна, наследная великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская

картинами; по вкусу ожидаемых гостей к этому добавлялось то или другое. Для меня, например, были приготовлены метеорологические таблицы, новейшие геогностические карты и пр. Вообще у этого столь всесторонне образованного, всеми почитаемого ветерана постоянно находилось новейшее и важнейшее из всех разделов литературы, что появлялось в Европе, как и всевозможные коллекции из области естественных наук, искусств и Древности: но самым важным был сам их владелец. В этом доме за трапезой или на вечерних собраниях я познакомился с интереснейшими мужчинами и женщинами Веймара. Сады Великого герцога в замке развлечений Бельведер принадлежали к наиболее богатым растениями во всей Германии, отдельные экземпляры растений – казуарин, *Araucaria* etc. – были особенной величины.

Г-жа Наследная Великая герцогиня²¹, которая знала мою семью по Праге, где в 1813 году она останавливалась ненадолго со своей сестрой, обращалась со мной, особенно как с другом Гёте, с предупредительным дружелюбием. Подождать Великую герцогиню-мать я считал своим долгом; я посетил ее в ее увеселительном замке на Зале²² у Дорнберга и был принят самым приветливым образом. По пути я сделал еще визит семье Цигезер в Дракенбурге и вернулся назад в Веймар, чтобы провести еще несколько дней у моего досточтимого друга.

Затем через Эрфурт, где я посетил ботаника Бернхарди²³ в его превосходном ботаническом саду, я поспешил в Готу, чтобы осмотреть замечательную коллекцию окаменелостей президента фон Шлотгейма²⁴: он был первым в новейшее время, кто обратил внимание естествоиспытателей на отпечатки растений. Два дня я провел среди богатой коллекции, которая заслуживала более значительного помещения, и здесь у меня была возможность познакомиться со всеми естествоиспытателями.

Поскольку мой план поездок был довольно обширным, и почти повсюду я имел старых зна-

Эрнст Фридрих фон Шлотгейм

комых, которых не мог не посетить, я должен был торопиться. Я последовал знакомым путем через Фелькерсхаузен, где жил Б. фон Штайн, супругу которого я знал ребенком: вместе с ним я предпринял экскурсию в горы Рён. Горная равнина покрыта топкой болотной почвой, лежащей на базальте и окруженной базальтовыми вершинами; немногие увлажненные краевые участки покрыты лужками, которые сданы в аренду жителям долин и по старинному обычаю окашиваются в одно и то же время. Мы появились как раз в эту горячую пору.

Уже издалека, как в Альпах, мы были встречены с ликованием. Мужчины косили траву, юноши сгребали скошенное, девушки вязали снопы, женщины собирали их в стога; женщины и дети сидели у зажженных костров и готовили обед; повсюду в этом спокойном занятии господствовали бодрость и радость. И прекраснейший солнечный свет оживлял эту сельскую идиллию.

Я собрал некоторые болотные растения, и мы поднялись оттуда в узкую долину, где недавний обвал обнажил залежь бурого угля. Положение там было немного зловещим. Базальтовый туф сполз на пластичную глину и почти заполнил узкую долину, так что не осталось никакого другого места для прохода, кроме того, где горный ручей недавно пробился сквозь обломки. Однако наверху еще стояли базальтовые столбы, многие из которых уже скатились вниз. Я удовлетворился немногими образцами угля и сбежал прежде,

²¹ Великая княжна Мария Павловна (1786–1859) – дочь Павла I, супруга Карла Фридриха – сына и наследника великого герцога Карла Августа Саксен-Веймар-Эйзенахского (Ред.).

²² Приток р. Эльба (Ред.).

²³ Иоганн Якоб Бернхарди (1774–1850) – немецкий ботаник и врач (Ред.).

²⁴ Эрнст Фридрих фон Шлотгейм (1764–1832) – немецкий геолог и палеонтолог, один из основателей научной палеоботаники, в описываемое время – Президент придворной палаты (премьер-министр) герцогства Гота (Ред.).

чем такая колонна, от которой человеку было бы непросто увернуться, пришла в движение.

После недолгого пребывания у моих друзей барон фон Штайн проводил меня в Бад-Либенштайн, где находился герцог Майнингена, и привел меня в превосходнейший грот, который был обнаружен случайно и где были найдены древние кости. Теперь он легкодоступен, к большому удовольствию гостей курорта, а все достопримечательности оформлены в духе английского садового искусства.

Теперь я отправился через Вильгельмсталь к Эйзенаху, где еще надеялся застать Великого герцога Веймара, но он уехал к князю Меттерниху в Йоганнисберг. Потому я ограничился изучением голубой вершины, где недавно при строительстве проезжей дороги были обнаружены базальтовые жилы в разноцветном песчанике. Две такие жилы тянутся горизонтально; третья поднимается прямо вверх, как дымоход; тогда она была полностью обнажена, но не доходила до вершины и, как мне сказали, нарушала горизонтальное положение песчаника над ней; и песчаник рядом с базальтовыми жилами не изменился заметным образом.

Оттуда я повернул к нагорью Майсснер, которое из-за своего прекрасного вида и наличия бурого угля между базальтами заслуживает внимания. Чтобы не пропустить заход солнца погожего летнего дня, я постарался найти себе в гостинице проводника до самой высокой вершины. Беспечный мальчик, племянник хозяина гостиницы, предложил себя и назвал меня по имени. Удивленный, что встретил здесь знакомого, я узнал, что отец мальчика многие годы служил управляющим у моего соседа, графа Вурмбранда, и по воскресеньям ходил в церковь в Радниц, где часто меня видел. Затем мы по-дружески отправились вместе к вершине, куда добрались как раз вовремя, чтобы узреть прекрасную панораму, которую видно отсюда, в великолепном освещении.

После моего возвращения я посетил еще главу Горного департамента, у которого нашел самую дружескую поддержку моих намерений. Нагорье состоит из пестрого песчаника; над которым на угольной подошве лежит белый, немного изменившийся и растрескавшийся на блоки песчаник, схожий с таковым в окрестностях Карлсбада и по

Иоганн Фридрих Блюменбах

ту сторону от Эльбогена. Бурый уголь то землистый, то более твердый; лишь там, где он вступает в близкое соприкосновение с базальтом, он превращается в своего рода угольные стержни, которые очень схожи с английским свечным углем; базальтовые вершины и довольно выветренные диориты выступают на обратной стороне горы.

Гёттинген, который я столь ясно видел с вершины, теперь сильно притягивал меня; я достиг его через несколько часов. Естественно, что прежде всего я отдал дань уважения distinguished ветерану естественной истории Блюменбаху²⁵. Его коллекции, как и его слова, были одинаково поучительны, но что обрадовало меня больше всего, так это то, что он принял меня в своем вечернем семейном кругу, в который, среди других, имели доступ его замечательные ученики — одна из распространенных здесь привычек, очень способствующая обучению. П. Хофманн открыл мне свой богатый, лично им собранный минералогический кабинет: повсюду я испытывал самую горячую поддержку моему стремлению к знаниям.

²⁵ Иоганн Фридрих Блюменбах (1752–1840) — знаменитый немецкий анатом и антрополог, интересовался также минералогией и ботаникой (Ред.).

Следуя угольными формациями, я проехал угольные залежи альменды²⁶, где базальтовые жилы также пробиваются через уголь и вызывают некоторые изменения, осмотрел дневную добычу бурого угля в кольцеобразной горловине и собрал там обломки окаменевших стволов деревьев. В Касселе меня принял тогдашний горный подмастерье Шварценберг; он по-дружески сопровождал меня через Аненталь, чтобы продемонстрировать базальтовые жилы в известняке, тогда еще малоизвестном явлении, которое подтверждало вулканическую теорию появления сланцев, на которой теперь основывается гораздо более развитая теория поднятия гор благодаря нерасслоенным древнейшим горным массам. Бурый уголь в Хабахтсвальде имеет мало замечательного, но по пути к Вильгельмсхее имеются достойные объекты наблюдения и многие окаменелости. Старый рыцарский замок, построенный умершим курфюрстом, довольно точно олицетворяет строительное искусство XVI века и содержит внутри также кое-что из прошлых столетий.

Чтобы после такого большого напряжения дать себе немного покоя, я поехал теперь через Марбург, Гисен и Буцбах в Штаад к г-же фон Лёв, где отдохнул несколько дней.

Вторая часть моей поездки проходила через Монтабаур, Кобленц, Эренбрайтштайн в Кёльн и Бонн. Там я был принят совершенно по-дружески президентом Каролино-Леопольдинского общества, Несом фон Эзенбеком²⁷, с которым я уже раньше состоял в переписке. В этом вновь родившемся университете все было в духовном возбуждении, живо и деятельно, коллекции сверх ожидания богаты и упорядочены. Через знакомство с графом Бейстом и горным советником Нёггератом²⁸ я получил всеми желаемое содействие к моей дальнейшей поездке на угленосные отложения вокруг Саарбрюка; между тем я предпринял экскурсии в Эшвайлер, Аахен и его окрестности.

Вернувшись в Кёльн, я посвятил несколько дней старому городу, почтенному собору и всем

Христиан Готфрид Даниэль Нес фон Эзенбек

Иоганн Якоб Нёггерат

²⁶ В Западной Европе земельные угодья, находящиеся в общем пользовании членов общины (*Ред.*).

²⁷ Христиан Готфрид Даниэль Нес фон Эзенбек (1776–1858) – немецкий ботаник и натурфилософ. В 1818 избран президентом Академии «Леопольдина» – старейшего немецкого общества естествоиспытателей (*Ред.*).

²⁸ Иоганн Якоб Нёггерат (1788–1877) – известный немецкий геолог, в честь которого К.М. Штернберг назвал каменноугольный род *Noeggerathia*, относимый ныне к прогимноспермам (*Ред.*).

Иоганн Штайнингер

Леопольд Зелло

достопримечательностям поблизости, и сделал вылазку в Нойвид, чтобы увидеть коллекцию, которую князь привез из своей поездки в Бразилию; она является превосходной, а по части орнитологии – очень интересной.

Жерновой песчаник в загадочных формациях вокруг Андернаха и Нидерменниха и ставшее известным благодаря Леопольду фон Буху²⁹ Лахское озеро со своими окрестностями приковали мое внимание и доставили мне красивые экземпляры гаюина; и поскольку дорога в Трир проходила вблизи от Айфеля, я не мог отказать себе в небольшом отклонении, чтобы посетить еще и пару кратеров потухших вулканов (заполненные водой круглые или эллиптические углубления, которые считаются кратерами).

В Трире я встретил дружеский прием у Г. Штайнингера³⁰; он сопровождал меня к большинству раскопок римских построек, среди которых был хоть и небольшой, но достойный внимания амфитеатр. Его коллекция содержала много удивительного из окрестностей.

Теперь я оставил Мозель, чтобы ехать по направлению к Саару. Окрестности вокруг Саарбурга прекрасны; но большая выработка камен-

ного угля, которую я собственно искал, находится лишь вблизи Саарбрюка. Я нанес визит в Горный департамент и был очень приятно удивлен, найдя там прекрасную коллекцию отпечатков растений из окрестностей.

Главный начальник Горной службы фон Зелло³¹ тут же организовал поездку в горы в Веллесвайлер, чтобы показать мне оба вертикально стоящих *Siryngodendron*, которые описал Нёггерат. С того времени в угольных шахтах Буштеграда в Богемии были обнаружены еще два похожих вертикальных ствола, из которых один длиннее и большего диаметра, чем другой. Я посетил многие места этой протяженной выработки, из которой ежегодно до двух миллионов центнеров угля перевозится кораблями по Саару в Мозель.

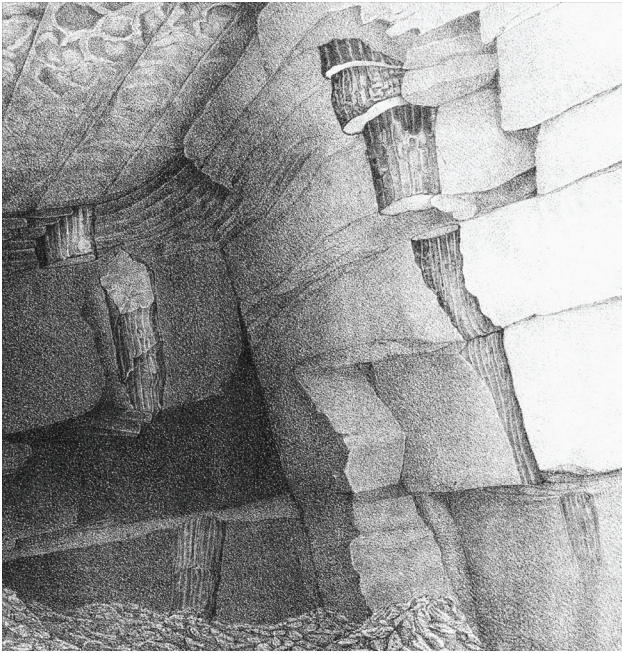
Но особенно богаты отпечатками растений королевские баварские шахты Св. Имберта, многие из которых описал Нау³². В частной коллекции у Г. Штума также находятся многие еще не ставшие известными отпечатки; вообще от этой местности можно ожидать еще богатую поживу.

²⁹ Христиан Леопольд фон Бух (1774–1853) – выдающийся немецкий геолог и палеонтолог (Ред.).

³⁰ Иоганн Штайнингер (1794–1874) – немецкий геолог и историк, преподаватель математики и естественной истории в гимназии Трира. Среди его учеников был уроженец Трира К. Маркс (Ред.).

³¹ Леопольд Зелло (1785–1874) – директор Королевской прусской горной службы в Саарбрюке, оказал значительное влияние на развитие Саарского округа (Ред.).

³² Бернхард Себастьян фон Нау (1766–1845) – немецкий камералист (специалист по управлению государственными имуществами) и естествоиспытатель (Ред.).

Стволы ископаемых деревьев
в одной из угольных шахт Богемии

Научная цель моей поездки была, таким образом, достигнута; собранные предметы упакованы и отосланы. Благодарный за великодушную поддержку моих целей, я поехал без дальнейших остановок к графу де Брэ в Ирльбах и с ним в Регенсбург на ботаническое заседание, которое состоялось 20-го сентября. На нем я прочел работу о различии отпечатков растений в последовательных формациях, которые представляют многие растительные периоды; она была напечатана во «Флоре», № 44 (28 ноября 1824)³³.

24-го сентября я был снова в Бржезине, трудолюбиво занимаясь использованием накопленного опыта для четвертой тетради моей «Флоры Древнего мира».

Зима осталась посвященной, как всегда, обычным занятиям.

1825

Коллекции Музея заметно ширились, особенно коллекция ископаемых растений. Одновременно они стали оказывать обратное влияние, заключающееся в том, что дали толчок к новым открытиям, о которых было объявлено в Трудах Музея.

³³ Sternberg K. Ueber die verschiedenen Pflanzenabdrücke führenden Formationen und die Unterschiede der Vegetationen in denselben // Flora, oder Botanische Zeitung. — 1824. — Jahrgang 7. — S. 689–704 (Ped.).

Богемское Научное общество потеряло своего президента, министра, графа Шотека; на его место был избран обербургграф — граф Коловрат, и его вступление в должность на открытом торжественном заседании (14 мая) дало возможность присутствовавшим там членам зачитать небольшие доклады. Мой доклад о некоторых особенностях флоры Богемии и о распространении растений Древнего и нынешнего мира в зависимости от климата был, как и остальные сообщения, напечатан в первом томе новой серии Трудов Общества³⁴ и позднее — с некоторыми добавлениями в отношении географии растений — во «Флоре Древнего мира».

В июне месяце я поехал в Грац по делам и связал с этим естественно-историческую поездку на еще незнакомую мне литораль. Путь через Идрию в знакомые Адельсбергские пещеры, родину *Proteus anguineus*, через грубый карст в живописную гавань Триеста, дал некоторые интересные приобретения. В Триесте меня занимала в основном ботаника, особенно водоросли, знание которых является обязательным для ботаники Древнего мира, поскольку длительный период, начиная с Юрских сланцев до зеленых песков в Германии, Италии и Англии, предоставляет очень много отпечатков фукоидов.

Из Триеста я двинулся редко используемым путем через Гёрц на берегу Изонцо и через Предиль в шахты Райбея и Бляйберга, где Леопольд фон Бух недавно обратил внимание на выход доломитов; в той местности этим были привлечены многие естествоиспытатели, которые даже сейчас еще делают доклады об этом на геогностических заседаниях в Лондоне и Париже. Через Клагенфурт я добрался до Вены, чтобы напомнить об издании Бразильских естественноисторических коллекций, на которое 30 ноября последовало Высочайшее разрешение.

Тем временем моя кузина, графиня Франциска Штернберг (урожденная графиня фон Шёнборн, супруга графа Франца Штернберга), которую я застал еще живой по возвращении моем из Вены, закончила дни своих страданий (20 октября). Это была высокообразованная женщина, любящая мать и жена, достойная подруга. Я остался со скорбящей семьей.

³⁴ Sternberg K. Ueber einige Eigenthümlichkeiten der böhmischen Flora, und die klimatische Verbreitung der Pflanzen der Vorwelt und Jetztwelt // Abhandlungen der k. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Neuer Folge. — 1824–1826. — Bd 1. — S. 1–20 (Ped.).

(Продолжение следует)